

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В14

Составитель ИВАН ТОЛСТОЙ

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

- В14 Застолье Петра Вайля : сборник. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 432 с. — (Писатели на “Свободе”).

ISBN 978-5-17-118160-4

В книге “Застолье Петра Вайля” собраны выступления знаменитого писателя на Радио Свобода — с 1986-го по 2008 год. О себе и других; о литературе, музыке, кино, театре, телевидении, политике, кулинарии и сексе.

В предисловии Иван Толстой заметил: “Хотя никто не назвал бы Петра приверженцем студии, тем не менее, радио удивительно гармонировало с его натурой. Здесь по определению военная дисциплина: это почтальон может переждать дождик под деревом, а радиоведущий, хочешь — не хочешь, открывает рот при включении красного фонаря. В эфире не должно быть пауз. И это Вайлева стихия”. Так же бесспорно, что и сам Вайль — стихия. Публикуемые в книге воспоминания тех, кто близко знал Вайля, подтверждают это.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118160-4

- © Радио Свободная Европа / Радио Свобода, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Иван Толстой. Застолье Петра Вайля 7

Письменный стол

Литература, язык, книги 17

Журнальный стол

Общество, политика, телевидение, кино, театр, музыка 135

Круглый стол

Дискуссии и обсуждения 285

Обеденный стол

Кулинария с историей 351

За одним столом с Вайлем

Наш Петр

Макс Вайль, Игорь Генис, Юрий Гендлер, Андрей Арьев,
Андрей Шарый, Марина Тимашева, Валентин Барышников,
Елена Петрушанская, Марио Корти, Игорь Померанцев 377

Элла Вайль. Петр Вайль в халате и тапочках 397

Андрей Плахов. Гений мест	403
Александр Генис. Водочная станция	408
Сергей Гандлевский. Из книги “Бездумное былое”	415
Виктор Шендерович. Перемена адреса	419
Григорий Чхартишвили. Вайль как Санта	422
Алексей Цветков. Долгое прощание	425

Иван Толстой

Застолье Петра Вайля

Петр Вайль был прежде всего политиком. Не потому, разумеется, что он ею интересовался. Нет, он был политиком самому себе. Если политика — планомерное осуществление некоей программы, то такая программа у Вайля была, и очень отчетливая. Но рождалась она не на людях, не в публичном пространстве, а за столом, вернее — за столами.

Он всегда знал, чего хочет, и готовился к своему шагу с максимальной тщательностью. Три вещи лежали перед ним — карта, расписание и кулинарная приправа. Он сам любил вспоминать свой юношеский портфель с вечным походным набором советских лет — зубная щетка, чистые носки и хмели-сунели: не пропадешь ни в одной компании.

В движении к цели он не знал авось и импровизации. Двадцать лет назад я назвал свою беседу с ним “Беспечный педант”. Не хочу переписывать историю, но я был не прав. Был он не беспечным, а скорее невротическим, тираническим педантом. А уж когда все задуманное получалось, все было увидено, измерено, понято, тогда можно было беспечно поужинать. Хотя — беспечно, если вы соглашались с его выбором блюд. А если сопротивлялись, вы падали в его глазах.

Вайль был классическим либералом. Уважая свободу и личность, он не выносил никакой жестокости и самодурства. И сам был человеком строгих правил. Не терпел расхля-

банности и приближительности — ни в обществе, ни в литературе, ни в частных отношениях.

По его неизменному пиджаку с галстуком читается многое. Требуя уважения к себе, он галстуком ежеминутно обозначал норму. В его случае это была не официальная, а именно нормативная одежда.

Норма — вообще одно из центральных для Петра понятий. Мои права заканчиваются там, где начинаются твои. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Вполне библейские заповеди. Никакого амикошонства, панибратства. Развязность может быть только краткосрочной и только частью игры, в которую готовы играть оба.

Поэтому Петр был человеком предсказуемым, то есть европейским, светским. Скандалов не устраивал, русским безудержом не обладал. Это и были его политические взгляды: либеральные, а значит, с его точки зрения, нормальные.

Второе важнейшее для Вайля понятие, его кредо — профессионализм. “Ни в какой работе, — говорил он, — на очень талантливых людей рассчитывать нельзя. В любой работе надо рассчитывать на людей максимум профессиональных”. И свое разочарование в российских делах формулировал так: “Может быть, вообще отсутствие профессионализма — самое пагубное, что есть сейчас в России, во всех сферах”.

Сам он умел работать при любых обстоятельствах, при всех политических режимах (и в рижской “Советской молодежи”, и в нью-йоркском “Новом американце” — причем и там, и там в одинаковой должности ответственного секретаря), и при пустом кошельке, и на хорошем жалованье, и в галдящей редакции, и в кабинетной тиши под вариации Баха.

Он везде находил себе стол. Любил повторять, что одни обедают на краю письменного, другие пишат на краешке обеденного. Сам же уважал обе процедуры: всему своя степенность и толковость.

Он и коллег, и приятелей ценил прежде всего за нормальность и профессионализм. В устах Вайля это была высокая похвала. Нормальный профессионал — это тот, с кем можно иметь дело, на кого можно положиться, кто не провретя в цифрах, в метафорах, в человеческих связях. Даже Пушкин у него “резко выделяется своей нормальностью”.

Ясность, разум, картезианство Вайля не скрыты в одном лишь строении его речи. Он и самому себе помогал риторическими мостиками: самая частая у него связующая фраза — “Понятно, почему это происходит”. Без капризов, без импрессионизма. В галстук.

Жизнь в несколько провинциальной Праге он тоже считал нормой. Или заставлял себя так считать. Он вообще многое делал с усилием, подчинял себя плану, программе. Осуществлял свою политику.

Я подозреваю, что и себя он оценивал не как выдающегося человека, но как фигуру высочайшей нормы. Здесь, кстати, кроется толкование тех героев, что населяют самую известную его книгу “Гений места”: не о гениальности в ней речь, а о воплощенном духе, не о художественном или литературном таланте, но о живой проекции культурно-исторических ракурсов. Как и во всем прочем, Вайль решал здесь концептуальную задачу, что и было главным его творческим инструментом. К сатирическому юмору в придачу.

Без ясной концепции Петр за стол не садился. Иногда она входила в противоречие с намеченным планом — и тогда ему приходилось настаивать на вполне спорных суждениях. В “Родной речи”, например, написанной в соавторстве с Александром Генисом, Лермонтов объявлялся слабым лириком (за переизбыток глагольных рифм). О другой Вайлевой концепции (на этот раз пушкинской) рассказывает в своих воспоминаниях Сергей Гандлевский, возводя свою ссору с Петром к несопадающим трактовкам беспечного чижика. И вообще у книги “Стихи про меня” есть не только рьяные поклонники.

К радио у Вайля было прагматическое отношение. Это было место социальной стабильности и быстрый полигон для оттачивания своих писательских суждений.

Хотя никто не назвал бы Петра приверженцем студии, радио, тем не менее, удивительно гармонировало с его натурой. Здесь по определению военная дисциплина: это почтальон может переждать дождик под деревом, а радиоведущий, хочешь не хочешь, открывает рот при включении красного фонаря. В эфире не должно быть пауз. И это Вайлева стихия.

Как и многих других, радио учило его писать внятно, доказательно, в фас. Эфир противится кучерявым и витиеватым выступлениям. Ум Вайля пропустил через себя драматургические уроки Довлатова, но, в отличие от него, он не был бархатноголосой сиреной: радио для Петра оставалось только функцией главного — писательства.

Притом что от размышлений о литературе, о чужих книгах Вайль с годами постепенно отходил (поворачиваясь, как он говорил, непосредственно “к жизни”), словесное искусство он ставил выше всего, писатель в его иерархии находился на вершине творческой и жизненной пирамиды.

За столом и рождались все его построения — литературные и кулинарные, он и путешествовал по миру не для того, чтобы где-то остаться, подыскать себе место, а чтобы, набравшись впечатлений и точных деталей, вернуться за стол и облечь увиденное в правильную форму, тем самым угощая собеседника страницей будущей книги или гармонично продуманным ужином.

Не могу в связи с этим не вспомнить один обеденный эпизод. Приехала как-то в Прагу московская съемочная группа — записывать с Петром какую-то кулинарную программу. И он для заполнения телепространства позвал за стол и нас с женой. Я уже жмурился от удовольствия: у Вайлей всегда вкусно, а тут еще и показательное выступление намечается. Принаряженная ведущая задает хозяйину всякие выигрышные

вопросы, осветители бесшумно передвигаются по периферии, камера делает свое дело. Мой воскресный день складывается самым удачным образом.

И тут Петр ничтоже сумняшеся, не дрогнув ни одним мускулом, делает легкую паузу и говорит мне: “Положите назад. Вы не один” — и продолжает рассказ на камеру.

Он вовсе не собирался готовить салаты бочками, угощение было рассчитано ровно по числу приглашенных, включая осветителя и шофера, но — не больше. В Петре не было купечества, трактирной удалы, и его совершенно неправильно называют гурманом. Гурман по-французски — обжора, и это я на телебедде, к стыду своему, забыл. А Вайль был понимающим, знатоком, гурмэ.

Между этими двумя важнейшими для него столами — письменным и обеденным — были и другие, поверхность которых приходилось возделывать по долгу службы и в силу профессии, — столы журнальные и круглые: быстрых отзывов, кратких рецензий, моментальных обменов мнениями у пашущего журналиста накапливается столько, что до писательского стола и не добежать. За эту способность к оперативному и высокопрофессиональному отклику Вайля ценили всегда и во всех редакциях.

“Петя, скончался такой-то”, “Аргентина — Ямайка — 5:0”, “Как понимать такую-то новость?” И Вайль тут же затихал, ища мысль и первую к ней фразу — и через час миниатюра была готова: о Чаплине, о Клинтоне, да хоть о валенках.

“Игорь, — слышу я голос Петра за перегородкой, — вы фильм «Коля» смотрели? Нет? Да что же это за тупое зверье! Юрьенен тоже не видел. У меня сейчас эфир. А я только завтра иду... Иван, ну хоть вы-то видели? Каналья! Невозможно работать, никто не смотрел!”

Через десять минут начинается прямой эфир, в конце которого мы слышим, как Петр Львович спокойно переходит к культурной рубрике, рассказывает о выдвижении “Коли”

на “Оскара” и дает внятную, элегантную и исчерпывающую оценку картине.

Ну и что, что не видел? Нормальный профессионал.

Одно время и мне пришлось целый год вести культурную передачу в прямом эфире, и я как-то предложил Вайлю обсудить у микрофона актуальную тему. Он дружески согласился, настал день и час, я уже сидел в студии. Перед самым эфиром открылась дверь и вошел Петр, в костюме и галстуке. Он был абсолютно, стопроцентно, изумительно пьян. До прозрачности.

Вероятно, он только что тепло проводил кого-то из своих гостей.

Нервная тоска овладела мною.

“Что же мы будем делать?” — негромко спросил я.

Он, не торопясь, медленно моргнул: “Ваньтё, вы лучше за фонарем следите”.

Красный фонарь включился, эфир потек, и паника моя стала понемногу отступать: Петр, хотя и говорил заторможено и раскладисто, был совершенно безупречен в логике, композиции и грамматике. Да, гораздо меньше звучало афоризмов и остроумия, но такой стройности и содержательности мысли все равно было не достичь ни одному трезвому коллеге.

К концу часового эфира я был почти счастлив.

“Я вас когда-нибудь подводил?” — спросил Петр, поднимаясь из кресла.

На “Свободе” Вайль проработал больше двадцати лет, а с 1988-го по 2008-й — в штате: ведущим программы “Поверх барьеров” из Нью-Йорка, затем *Liberty Live* из Праги, возглавлял информационное вещание, был главным редактором Русской службы, придумал и вел серию “Герои времени”, комментировал, брал и давал бесчисленные интервью.

При ежедневной занятости он провел, прикидывая грубо, около тысячи программ и написал столько же комментариев. Радио для него оказалось и письменным, и журнальным, и круглым столом. Объединяющим.

Работа рядом с Вайлем была исключительным интеллектуальным удовольствием. Вы с радостью находили в нем единомышленника, смеющегося над нелепыми попытками обмануть естество: выискивать обезжиренное, придерживаться диетического. Не имея никаких специальных биологических познаний, он интуитивно чуял фальшь предостережений и ложность угроз, исходящих, скажем, от холестерина. Пожимал плечами: “Природа ошибаться не может. Если на молоке образуются сливки, значит, Господь Бог это предусмотрел”.

Как-то он торжествующе показал мне обложку “Тайма” (или “Ньюсуика”) с вареным яйцом в рюмочке и победной надписью: “Реабилитировано!”

В тот вечер мы с ним поднимали бокалы за здравый смысл и доверие природе, на чем он настаивал всегда и за всеми столами.

Письменный стол

Литература, язык, книги